Айтматов Ч.

98

Лит. газета, 1983, 21 сент.

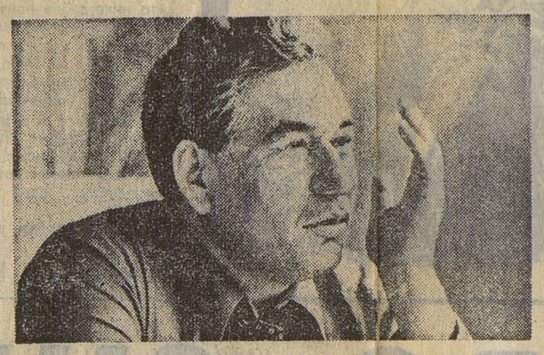
Ташкент-83:

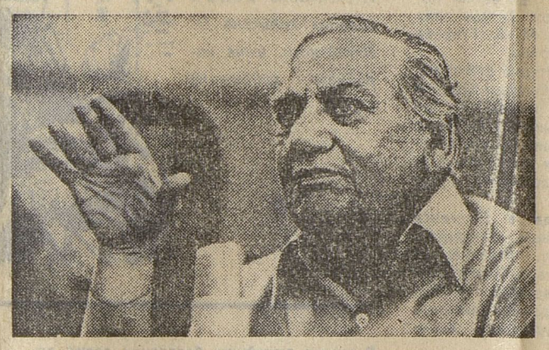
ПИСАТЕЛЬ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

ДОНЕСТИ ДО СЕРДЕЦ ЛЮДЕЙ

Диалог Чингиз АЙТМАТОВ — Фаиз Ахмад ФАИЗ

Нет нужды представлять читателям советского прозаика Чингиза Айтматова и пакистанского поэта Фаиза Ахмада Фаиза. Сегодня они, ветераны движения афро-азиатских писателей, ведут беседу о культурных и литературных проблемах двух огромных континентов, о путях духовного развития их стран и народов, о главной задаче всех людей доброй воли — устранить угрозу ядерного всеуничтожения.





Ч. А. Прошло уже двадцать пять лет с тех пор, как писатели Азии и Африки в первый раз собрались в Ташкенте. Они сознательно объединились, чтобы сообща искать пути к выравниванию диспропорции в развитии народов их континентов, возникшей как прямое следствие колониального господства. Сегодня, как никогда, очевидно, что эта конференция, проводившаяся в Ташкенте в 1958 году, была событием действительно историческим. Фаиз, вы один из основателей движения писателей Азии и Африки, так, может быть, попробуем заново осмыслить, с чего мы начинали и к чему теперь пришли?

Ф. А. Ф. Хорошо, попробуем. Согласитесь, минувшая четверть века была очень плотно насыщена чрезвычайно важными событиями, изменившими и мир, и всех нас в нем. Наше движение, как вы только что сказали, образовалось в результате крушения колониальных империй, в ту пору, когда империализм, не теряя времени, начал действовать с фланга — с позиций неоколониализма: уйдя формально, он оставил в бывших колониях свои корни, создавая там сферы экономического и культурного угнетения. Это вызвало ответную реакцию — сплочение прогрессивных сил перед лицом нового маневра империализма.

Из всей совокупности факторов, вызвавших к жизни объединение писателей бывших колоний, самым важным мне лично кажется становление нового сознания, сознания людей, добившихся после долгого подавления их свободы права жить самостоятельно. Речь шла о необходимости скорейшей духовной деколонизации, одном из важнейших и сложнейших аспектов деколонизации в целом. И в этом плане объединение усилий и обмен опытом стали требованием времени.

Ч. А. Я хотел бы добавить, что как раз в то время человечество приблизилось к историческому осознанию необходимости расширения контактов, в том числе, и, быть может, прежде всего,— в области культуры. Начиналась закладка основ контактов нового типа — не стихийных, а организованных. При том, что особую потребность в них испытывали народы освобождающихся стран — им ведь предстояло проломить стену вековой колониальной изоляции,— аналогичные процессы шли во всем мире, благо, появились новые технические возможности для установления таких связей: всепроникающие средства массовой информации, транспортные средства, целая инфраструктура, предназначенная для общения людей и народов друг с другом. И самое главное: пришло понимание того, что история человеческого развития вступила в фазу, когда невозможно изолированное существование народов.

Ф. А. Ф. Значит, Ассоциация писателей Азии и Африки своим назначением отвечает духу времени. Вы знаете, что уже в глубокой древности были хорошо налажены торговые связи между различными географическими регионами двух континентов, а ладьи и караваны, перевозя товары, способствовали обмену культурными ценностями. Сейчас бесполезно гадать, как развивалась бы мировая культура, если бы традиционные связи внутри Азии и Африки, так же как естественные связи Востока с Западом, не были бы насильственно оборваны колонализмом, а все контакты сведены к одному: «метрополия — колония», то есть победители — побежденные. Это затормозило рост традиционных культур покоренных народов, застывших на том уровне развития, на каком застигло их колониальное вторжение. И привело к появлению туземной элиты, получившей образование на западный лад и отчужденной от своих национальных корней, а часто — и от родного языка. Писатель оказался в двойном кольце отчуждения — от самого себя, поскольку никакое биологическое чудо не могло сделать его европейцем, и от своего народа, продолжавшего держаться за традиционную культуру.

Ч. А. Вот так сложился тип маргинальной личности, человека между...

Ф. А. Ф. Да, конечно, а если добавить к этому значительное отчуждение писателя и от мировой художественной мысли — он мог соприкасаться с ней только через колонизаторов, — то станет ясно, как важно было литературам Азии и Африки установить взаимные контакты. Налаживались они нелегко и непросто, что неудивительно — многое ведь делалось впервые. Нелегко дался и переход от пылких манифестаций к литературе глубокого исследования жизни. Я думаю, что уже сегодня лучшие произведения афро-азиатских писателей можно поставить в один ряд с современной классикой мировой литературы. Не будь у нас возможностей сопоставлять себя с другими, использовать модели, созданные до нас, — наверное, потребовались бы века на то, чего мы достигли за десятилетия.

Ч. А. Сохраняя свою разность, народы тем временем сблизились настолько, что это стало фактором истории — все мы на каждом шагу ощущаем взаимовлияние и живем в стихии всевозрастающей взаимосвязи культур. И это — одна из наиболее характерных черт нашего времени и нашего в нем бытования. Более того, это фактор долговременного действия, дальнейший ход и последствия которого мы вряд ли сейчас в состоянии провидеть. Дело футурологов строить модели планетарной или, может быть, галактической культуры, а вот потребность осознать процессы, происходящие сегодня, вытекает из нашей с вами повседневной практики, из нашего житья-бытья. Для меня лично они чрезвычайно, я бы сказал, жизненно важны. Я сам — человек на стыке культур. Принадлежу к азиатскому народу, небольшому по численности, каковых в мире большинство, и волею судьбы живу сразу в двух языковых сферах — я думаю, говорю и пишу на двух языках: на родном киргизском и русском. Русский язык — язык величайшей литературной традиции, оправданно занимает ведущее место в общежитии советских народов, являясь официальным языком многонациональной страны. И в связи с этим для нас, как я уже говорил, чрезвычайно и жизненно важно то, насколько соразмерно, гармонично и, более того, справедливо протекает процесс сосуществования, взаимодействия национальных языков и русского в каждом регионе. В этом суть нашей языковой политики — приобщаясь к мировой культуре с помощью русского языка, всемерно развивать и пестовать национальные языки, обеспечивая им действенные возможности и перспективы. Иными словами, многие сложности, с которыми сейчас сталкивается интеллигенция развивающихся стран, достаточно хорошо были знакомы и нам. С чрезвычайно существенной разницей, конечно: мы шли путем социализма. И шли по нему самыми первыми в мире.

Ф. А. Ф. Октябрьская революция была началом революции в сознании всех колониальных и зависимых народов, поэтому мы совершенно особым образом читаем и советскую литературу: она для нас, помимо всего, еще и зеркало души человека нового мира. Вы знаете, как велик авторитет советской литературы в мире и какое влияние она оказывает, в частности, на Азию и на Африку. По-настоящему наши страны получили доступ к советской литературе только после того, как стали свободными. С достижением независимости мы вступили в эпоху нашей сплоченности против культурной агрессии неоколониализма, борьба против которой стала мощным стимулом для объединения писателей Азии и Африки.

Ч. А. Агостиньо Нето был совершенно прав, говоря: мы — это наши культуры. Противостояние самобытных культур Азии и Африки западной культуре — я употребляю здесь этот термин в широком его понимании — началось с эпохи колониального вторжения, но отнюдь не закончилось с завоеванием независимости. Западная культура так и не проникла в толщу народных масс: и по причине отсутствия тогда технических средств для ее повсеместного распространения, да и, пожалуй, потому, что колонизаторы не очень или вовсе не были заинтересованы в приобщении к ней народов колоний. Зачем? Миссионерам достаточно было понемногу обращать туземцев в христианство, администраторам — готовить вспомогательный персонал из местной знати, из коллаборационистской среды, готовой, как всегда в истории, к любым уступкам любых национальных интересов ради своей сиюминутной выгоды — быть подручными господствующих сил. Иное дело теперешние неоколонизаторы: в их руках могущественные, всепроникающие средства повседневного массового воздействия, которые расчетливо используются для манипулирования сознанием народов, для утверждения западной системы ценностей. В этих условиях осложнилась проблема защиты культурной самобытности (без ее фетишизации, однако). Продолжая оставаться важным аспектом борьбы Азии и Африки за полный и подлинный духовный суверенитет, она приобретает — в несколько ином преломлении, замечу, — характер общечеловеческий.

И вот я думаю, что многообразие проявлений духовной жизни человека, при наличии современных средств общения, должно укреплять в нем внутреннюю независимость от стереотипов и предрассудков, способствовать выработке навыка самостоятельного мышления. Не знаю, прав ли я, но, мне кажется, важнейшая роль в этом принадлежит книге.

Нравится ли это нам, писателям, или не нравится, но ныне книга стоит в одном ряду с другими средствами информации, где первое место по удельному весу безусловно принадлежит аудиовизуальным средствам. Читателем стать труднее, чем зрителем, не только потому, что читатель должен как минимум уметь читать, но и потому, что чтение — любое — требует активного усилия. В отличие от кино, телевидения, даже от видеокассеты, книга всегда дает читателю возможность возвращаться назад, чтобы лучше чувствовать и постигать подтекст, наконец, самому устанавливать скорость чтения и восприятия, спорить с автором. Чтение — это всегда диалог, безмолвный диалог наедине с книгой и с самим собой. Я думаю, что эта особенность литературы дает мне право по-прежнему считать ее наиболее совершенным инструментом познания, наиболее всеобъемлющим средством художественной культуры.

Ф. А. Ф. Видите ли, я сам по природе прежде всего читатель. Да еще к тому же пишу. Что может быть лучше книги?! Но литература — это плоть языка. Вот вы уже говорили о проблемах национальных языков. Жителям многоязычных стран, таких, скажем, как ваша и моя, прежде чем научить детей читать, нужно решить — на каком языке? Советский Союз принято приводить как пример страны, лучше других решившей языковую проблему. И хотя многие страны, особенно афро-азиатские, изучают ваш опыт, стараясь хоть частично применить его у себя, конечно, он может дать плоды только в социалистическом государстве. Найти же выход необходимо опять-таки безотлагательно, так как ликвидацию неграмотности отложить нельзя. Возникает конкретный вопрос: какой же язык станет средством внутригосударственного общения? Язык колонизаторов? Один из местных, выбор которого неизбежно приведет к взрыву националистических эмоций? Трудно относиться к родному языку без эмоций — он же родной! Существуют две точки зрения на этот счет: язык бывших колонизаторов чужд нам по духу, это язык порабощения и, не отказавшись от него, мы так и не добьемся развития национальных языков, что подорвет нашу самобытность. Другая точка зрения: мы принимаем язык, оставленный нам судьбой, и стараемся модифицировать его таким образом, чтобы он соответствовал особенностям нашего национального характера и культуры. Этот язык вступит в реакцию синтеза с нашими языками — дитя от смешанного брака начнет свое, отдельное от родителей существование. Вы понимаете, что я упрощенно излагаю и первую, и вторую точки зрения, но суть их именно такова.

Ч. А. Меня эта проблема очень волнует, как вы видите, и я хотел бы отметить, что языковой вопрос во всем мире является одним из главных вопросов культурной политики, а в настоящее время он приобрел просто небывалую остроту. Как человечество будет общаться в отдаленной перспективе — будет зависеть от великого множества демографических, социально-экономических, научно-технических факторов. Пока же, я думаю, необходим исключительный такт и осмотрительность во всем, что касается языкового вопроса. Социально-историческая зрелость общества ни в чем не проявляется наглядней, чем в отношении к языку — или языкам. Я немного повторяюсь, но хочу еще раз подчеркнуть: считаю, что в условиях XX века способом сохранения и развития национальных языков и одновременно избежания провинциальной замкнутости и удушающей изолированности — это процесс диалектически двуединый, — является билингвизм: двуязычие. Другого пути развития я не вижу. В этом смысле наш, советский опыт, безусловно, заслуживает самого пристального внимания, изучения, возможно, и заимствования. Отнюдь не потому, что нам уже удалось разрешить все трудности и расставить все точки над всеми «i». Не так-то просто, как иным это кажется, найти «живой баланс» между «освоением» мирового языка — лингва франка и «сохранением» языка коренной нации. В наведении этого «баланса» недопустимо прежде всего администрирование. Языковая политика должна быть гибкой и разрабатываться с учетом диалектики, развития общественных структур в целом. Крайние точки зрения, изложенные вами, просто не имеют права на существование: ни языковой изоляционизм, ни попытки взращивания лингвистических гибридов «в пробирках». Это же просто невозможно! Стихия языка — живая и живет по своим законам!

Ф. А. Ф. Двум или даже трем языкам можно обучить. Трудно, требует затрат, усилий, времени, наконец, но можно!

Ч. А. В том-то и дело! И можно также освободиться от ненужных эмоций, если рассматривать второй язык как орудие, как инструмент общения, причем инструмент многоцелевого назначения, который служит каждому, кто умеет пользоваться им.

Ф. А. Ф. Хочу добавить только одно — языковая политика должна вырабатываться на основе реально существующих факторов и с обязательным учетом того, к чему мы с вами все время возвращаемся в нашем разговоре, — мир изменился, и ни один народ не может жить в нем изолированно от остальных. А значит, и языковая политика должна быть направлена на приобретение новых, более широких возможностей общения.

Ч. А. Видите, что получается, дорогой Фаиз, — о чем бы мы ни заговорили, все выводит нас на проблему всепланетных перемен и острой необходимости разумного осмысления их. Частное все равно подчиняется общему. И, конечно, коренным отличием современной эпохи от всех предшествующих является страшный, но непреложный факт — сегодня человечество способно уничтожить себя.

Ф. А. Ф. И вся наша деятельность должна быть подчинена главному — не допустить гибели человечества, все время помнить о том, что мы все должны научиться жить вместе, что какими бы разными ни были наши политические, идеологические, религиозные позиции, никакие проблемы не могут решаться с помощью применения силы.

Ч. А. Человечество, раздираемое противоречиями, разномастное, разделенное на классы, политические системы и блоки, существующее одновременно в разных временных пластах, — вот это человечество испытывает общую опасность. В любой день может разразиться всеобщее ядерное побоище, может произойти то, что, сколько над этим ни разумствуй, все равно не постигается умом, — уничтожение жизни на земле. Это же значит, что вместе с нами погибнет все существовавшее до нас и что будущее останется нерожденным. Так, может быть, теперь художественная мысль, обратившись к неслыханному потрясению душ и умов, вызванному ощущением навалившейся опасности и общей ответственности, пониманием невозможности быстро от нее избавиться и необходимостью избавиться незамедлительно, так, может быть, художественная мысль, погрузившись в это состояние, вынесет из него великое прозрение?

Ф. А. Ф. Это верно, но одна мысль мне просто не дает покоя. Вы, Чингиз, намного моложе меня, а я хорошо помню тридцатые годы, когда впервые поднял голову фашизм и передовая часть человечества поняла, какую угрозу миру он несет. Я сейчас имею в виду не только антифашистский фронт, а общую эмоциональную атмосферу тех лет, потребность всякого разумного человека действовать, бороться против омерзительной чумы.

Угроза, нависшая сейчас над нами, многократно превышает угрозу фашизма — даже сравнить нельзя! Но я все спрашиваю себя: а сумели ли мы вложить такую же страсть в борьбу против коллективного самоубийства, создать такую же эмоциональную атмосферу яростного сопротивления античеловеческим планам? И с горечью отвечаю себе — пока нет. В плане эмоциональном, творческом сумели мы создать художественные ценности, например, литературные произведения, настолько же эмоционально эффективные, как антифашистская литература прошлых лет?

Ч. А. Вопрос вы задали суровый, но, не спорю, основания задать его есть. Давайте попробуем разобраться. Фашизм, при всей его устрашающей отвратительности, все-таки еще оставался в пределах представлений о зле. И он был конкретен, его можно было разглядеть, возненавидеть, сказать себе — с этим я никогда не смирюсь. Но сейчас человечество переступило новый порог познания и явно оказалось неподготовленным к этому ни в социальном, ни в нравственном отношении. Оно получило в руки энергию космической мощи и угрожает ею себе же — само себе. Страшно, когда на Западе поднимают головы те силы, которые открыто заявляют о готовности обрушить ядерную мощь на «инакомыслящие» общества. Это они готовы сделать ради сохранения своих устоев существования, однако никакие «устои» не могут быть оправданием, когда речь идет о самой жизни вообще... Невозможно отрешенно обдумывать вероятность подобной катастрофы — даже сухая информация вызывает взрыв эмоций. Может быть, характер этих эмоций таков, что он трудно поддается переводу в образный ряд искусства. Рост антивоенных манифестаций уже свидетельствует о зрелости интеллектуального осмысления людьми нависшей над миром опасности. Но что касается нас, художников, то действительно мы должны в это страшное время найти способ донести до сердец людей невозможность смириться с гибелью самой жизни.

Ф. А. Ф. Наша осенняя встреча в Ташкенте проходит под девизом «Писатель и современный мир», и, без сомнения, тема войны и мира займет главенствующее место на этой конференции, которая отражает творческий, писательский поиск путей отвести угрозу от нашей планеты.

Записала М. САЛГАНИК

Сокращенный вариант. Полный текст беседы публикуется в журнале «Вопросы литературы», № 9.